

ДАТА

Год без Жванецкого

Время быстротечно. Стуженье жизни ускорило свой процесс. Вот уже и год пролетел со дня ухода президента Всемирного клуба одеситов великого писателя-сатирика Михаила Жванецкого в какие-то иные, высшие сферы. Будем считать, что оттуда, дистанционно он незримо наблюдает за нами и беспокоится о своем детище – Клубе, оставаясь все так же его лидером и вожак.

А на Новодевичьем кладбище на могиле Михаила Жванецкого к годовщине смерти открыли памятник. Его автор – известный скульптор Владимир Соскиев, чьи работы выставлены в Государственной Третьяковской галерее в Москве, Русском музее в Санкт-Петербурге. Среди наиболее известных работ

мастера – памятники Марине Цветаевой в Тарусе, академику Пилюгину в Москве, Гайто Газданову в Париже...

Памятник получился лаконичным, образным и запоминающимся. Знакомый до боли силуэт писателя. Он как будто ступает в вечность, держа в руке свой знаменитый портфель, уходит, чтоб навсегда остаться с нами. А если обойти мемориал и взглянуть на него вновь, в движении, возникает кинетический эффект. И в каком направлении лежит путь Мастера, известно ему одному...

Но есть подсказка: у ступенек памятника рассыпана морская галька, придающая холодному камню теплоту и сердечность. Думается, что черноморская.

Памяти Михаила Жванецкого посвящена виртуальная выставка его портретов работы известного одесского фотографа Юрия Бойко «Прошел год...», ее организовал Всемирный клуб одеситов. Мы продолжаем жить в Одессе Жванецкого, в его неповторимых интонациях, продолжаем читать, помнить, любить... Мы чувствуем его сердцем, слышим в записях и по памяти, смотрим в его мудрые глаза на фото. Пересматриваем фотографии, ищем ту, особенную, которая ярче других передает наши чувства, напоминает о добром друге, любимом писателе, мудром философе...

«Его язык, ставший нашим...»

Полвека мы перекликались его словами.

Скрепки, говорите? Да вот же они, в пароле и отзыве, ясном для любого человека.

«Нормально, Григорий?» Знаешь ответ – свой!

А других-то общих паролей у нас почти и нету, он и Высоцкий. И поверх обоих – Пушкин, «мороз и солнце, день чудесный...»

Как это случилось с ним? Автор эстрадных сенок и монологов – отличный, но все-таки один из... – вдруг садится и пишет крупными каракулями на листе бумаги про уходящую жизнь.

Какой перехват дыхания! Как это смешно, и как нестерпимо грустно.

«И не спросит мама: что ты ел сегодня, мой мальчик?»

Для меня он начался с этой вещи. С этой – и с эссе памяти учителя русского языка, где уже мощно и победительно звучала та жванецкая музыка речи, которую с тех пор не спутать ни с чем.

Тогда и стало ясно: гений.

Автор Райкина? Ну да, может написать и для Райкина. Великолепный выступальщик, кладущий зал ничком? – еще как. Певец Одессы – конечно, но как до неба от расхожих «одесских» интонаций до «жванецкой» авторской мелодики...

Просто – всего лишь – большой русский писатель, взявшийся невесть откуда и почти незаконно: с магнитофонных пленок, из эстрады. Демонстративно провинциальный, с этим портфелем и повадками, не чересчур образованный, поперек всех школ и правил. Доказательство если не бытия божия, то – непостижимого космоса человеческой природы!

Он ведь «писал рукой», по меткому замечанию

Валерия Хаита. Словно с неба шло – прямо в руку! Я однажды видел, как он пишет свои каракули и сам смеется потом, прочитав. Клянусь, он не очень понимал, откуда это взялось.

Да и какая разница.

Его дар был больше него – он знал это и нежно берег его. Всякий и разный «по жизни», перед своим уникальным даром Жванецкий остался предельно

честен, а все остальное, я думаю, и воспринималось им вполне размыто, – как фон на фотографии, не нуждающейся в фоне. Вот уж кто был «инструментом языка!» – формулировка Бродского подходит Жванецкому абсолютно...

Второй – еще, наверное, не осмысленный нами до конца, – не взлет, но медленный подъем писателя Жванецкого начался вскоре после его шестидесятилетия. Как бы на противохлоде со славы. Те, кто ждали от увенчанного всеми лаврами сатирика новой «баржи» и «ликеро-водочного цеха», вынуждены были перейти на старые запасы. Лучшее из написанного «поздним» Михаилом Михайловичем не расходуется на цитаты и не набирает миллионов просмотров на ютубе...

«Само занятие сатирой выдает в человеке оптимиста», – писал Лец. Оптимизм закончился, ложка шкрябала по дну. Печальный мудрец подводил итоги, по-жванецки тщательно и неповторимо расставляя слова на бумаге. Музыка речи не оставляла его – слова продолжали приходиться в руку прямо с неба.

СМИ, сообщившие о смерти «сатирика Жванецкого», дружно выстрелили в то место, где птица пролетела четверть века назад.

Смерть позволяет гению стряхнуть с себя ерунду пристрастий, раздражений и обстоятельств – и остаться среди нас тем, чем он и был на самом деле: музыкой, смехом, умом, нежностью, печалью, счастьем...

«Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрепанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык – его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

ОДЕССА ЖВАНЕЦКОГО

Вместо рецензии

Мне повезло. В моей жизни был Жванецкий. Впрочем, есть и будет до конца жизни. Ловлю себя на том, что говорю его интонациями, его фразами, порой невольно подражаю его стилю письма. Но можно ли подражать гению?! Талант делает лучше всех то, что делают и другие. Гений делает то, что не делает никто.

Читаю рассказы, миниатюры, эссе, посвящения и фразы Жванецкого, собранные в недавно изданную книгу «Одесса». Вспоминаю и смеюсь и плачу и снова вспоминаю. Как хорошо, что в книге нет дат написания его произведений. Книга построена по такому же принципу, как строил свой концерт Михаил Михайлович, перемежая тексты короткими фразами. Как-то я посмел спросить об этом маэстро. Он ответил лаконично, как всегда: «Я для публики, а не публика для меня».

Его публика – думающий зри-

тель. Его читатель тот же – вышел из зрителя. Его ирония, юмор не всем понятны – знаю и таких. Но это не его, а их проблема. Учитесь. Читайте Жванецкого. У него есть чему поучиться. Коленопреклонному отношению к родителям – «Отец мой – врач мой», «Наши мамы», «Мой дедушка», трепетному и вдумчивому к детям – «Сын – сыну», сердечному и теплому к родным – «Молитва». Он далеко не моралист. Он не религиозен. Но его нравственно-этические взгляды – высшей человеческой пробы. Кстати, во многом совпадают как с Десятью заповедями Моисея, так и с Нагорной проповедью Христа, только выражены остроумней и парадоксальней. Его рассказы о животных, которые отдельным блоком опубликованы в книге, настолько трогательны, что невольно видишь в «Кошке Филиции», «Собаке Даше», «Белке» и особенно в «Собаке Буцыке», – людей с их судьбами и характерами.

Но как они совпадают с жизнью, волнениями и переживаниями гениального автора...

Всевышний подарил ему философское, поэтическое видение и уникальный дар: короткими, емкими мазками спроецировать мысли на бумаге так, чтобы читатель или слушатель словно прозрел и увидел мир его глазами. Одна из его гениальных фраз звучит так: «Литература – это искусство избегать слов».

Книга Михаила Жванецкого «Одесса» теперь на книжной полке Клуба. Издана с неосценимым участием Андрея Ставнищера. Проиллюстрирована любимым художником М.М.Жванецкого, членом Президентского совета ВКО Михаилом Ревой. Любовно собрана Натальей Жванецкой из известных и неизвестных широкому читателю произведений. Результат – еще один бриллиант в литературной короне Одессы.

Григорий БАРАЦ

